

**ЛЕГАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ
КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЛАСТЕЙ В БССР В 1924-1939 гг.**

канд. ист. наук Н.В. ДОВГЯЛО
Полоцкий государственный университет

Проанализированы легально-правовые формы и методы сопротивления верующих антирелигиозным мероприятиям органов советской власти. В 1924–1939 гг. верующими были использованы все формы легитимного сопротивления, а именно: всевозможные жалобы, материальная помощь священнослужителям, строительство и ремонт молитвенных зданий, попытки выкупить религиозные святыни. Дана оценка деятельности Постоянной комиссии по вопросам культов при ВЦИК РСФСР в отношении белорусских верующих.

Введение. Существует несколько классификаций форм сопротивления верующих конфессиональной политике властей. Исследователь А. Калинина выделяет активные и пассивные формы сопротивления. По ее мнению, к активным формам относятся выступления против закрытия храма, коллективные прошения об открытии религиозных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителя, выполнение религиозных обрядов. К пассивным формам – призывы к бегству на территорию Польши от «власти безбожников» (в основном это касалось национальных меньшинств католического вероисповедания), коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников, отказы от социальной помощи государства, уклонение от участия в общегосударственных мероприятиях (например, перепись населения) [1, с. 26].

Украинский исследователь О. Бойко выделяет легитимные (законные) и нелегитимные формы сопротивления верующих и духовенства. К легитимным историк относит всевозможные жалобы, добровольный сбор средств для поддержания храма, материальную помощь священнослужителям, строительство и ремонт молитвенных зданий, попытки выкупить религиозные святыни. К нелегитимным – утаивание доходов, антисоветскую деятельность, преподавание религии, открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти [2, с. 16].

Основная часть. На протяжении 1924–1939 гг. верующие использовали преимущественно правовые формы сопротивления, требуя от власти соблюдения законодательства и принципов справедливости. Исключением является период 1929–1930 гг., для которого было характерно наличие массовых выступлений против конфессиональной политики властей. В 1924–1928 гг. сопротивление верующих и духовенства было направлено на борьбу с экономическим давлением на церковь и защиту гражданских прав и свобод служителей культа. В этот период времени использовались легитимные методы борьбы, в частности жалобы в центральные органы власти на действие властей на местах.

В фондах Белорусского православного обновленческого Синода имеются многочисленные заявления как от отдельных священнослужителей, так и от целых церковных организаций о «неправильном и непосильном обложении священнослужителей церкви подоходными и другими налогами». Заявления служителей культа в местные и центральные финансовые учреждения оставались без должного внимания: либо отклонялись без всякой мотивации, либо озвучивались такие реплики, как «вы служитель культа – платите» [3, л. 47]. Так, получаемый доход епархиального архиерея г. Минска, архиепископа Даниила Минского составлял не более чем 480 руб. В соответствии с законом подавали декларацию и подлежали налогообложению лица, получающие доход не менее чем 700 руб. Несмотря на это, архиепископа обложили налогом и оштрафовали за неподачу декларации. Он обжаловал такое постановление в налоговой комиссии. В жалобе отказали, а налогообложение было произведено по произвольно взятой цифре 900 руб. Подобного рода факты достаточно многочисленны [4, л. 52].

В Священный Синод потоком шли письма священнослужителей об ущемлении их гражданских прав, выселении из церковных и монастырских помещений и т.д. По этой причине с 1925 г. при Синоде существовал юридический отдел для оказания помощи «по применению в отдельных конкретных случаях декрета об отделении церкви от государства» [5, л. 8].

В 1927 г. было принято решение организовать при Священном Синоде Белорусской Православной Церкви особую комиссию, которая собирала бы сведения о правонарушениях в отношении Православной Церкви, духовенства и религиозных общин на местах и составляла бы общее ходатайство правительству БССР. Председателем комиссии был избран архиепископ Михаил Высочанский [6, л. 6].

Обновленческий Синод Белорусской Православной Церкви периодически доводил до сведения ЦИК БССР информацию о незаконных действиях и распоряжениях местных властей как в отношении отдельных верующих, так и в отношении служителей культа. Так, например, «священника

с. Черноручье сельсовет обложил налогом за «лишение голоса» и его же оштрафовали за то, что он лишен голоса и не принимает участие в общественной жизни; граждан д. Норкино Калининского округа волостной исполком лишил права голоса на сходах своей деревни за то, что они состоят членами церковного совета» [3, л. 50].

В этот период зафиксированы примеры и других легитимных форм сопротивления. В 1925 г. в Оршанском округе за счет населения было отремонтировано две православные церкви [7, л. 172], католическое население организовало компанию по сбору средств для оказания помощи епископу Б. Слоскану после его ареста [8, л. 181], рабочие-католики завода «Красный Октябрь» в Орше оплачивали содержание костела от 2 до 15 руб. в год [9, л. 7].

Верующие пытались вернуть утраченные ранее церковные святыни. В 1924 г. епархиальный съезд духовенства и мирян Витебско-Полоцкой епархии «выражая волю более одного миллиона православного населения края» ходатайствовал перед ЦИК БССР о возвращении мощей Преподобной Евфросинии в распоряжение Витебского епархиального управления [10, л. 13]. Православные общины Могилева ходатайствовали о передаче верующим Могилевского Спаса-Преображенского храма, который являлся некрополем для всех Могилевских архипастырей, а также архиепископа Георгия Канинского [11, л. 43].

В своей борьбе верующие прибегали и к экономическому воздействию на местные власти. Православная община с. Черноручье обратилась в Шкловский районный исполнительный комитет с просьбой разрешить совершать богослужения по большим религиозным праздникам (не более 15 раз в год). За это право верующие были согласны внести в кассу или финансовый отдел сельсовета 1 тыс. руб. [12, л. 14].

Для периода 1929–1930 гг. характерно в основном проявление нелегитимных форм сопротивления, а именно массовые выступления верующих, но использовались и правовые способы. В архивных документах зафиксированы многочисленные требования верующего населения Беларуси вернуть закрытые храмы. Инициаторами этого движения в большинстве случаев являлись бывшие «церковники» (церковные старосты, сторожа, члены церковных советов и их родственники) и зажиточные крестьяне. Они, по мнению партийных работников, использовали религиозно настроенное население, в основном женщин, для своей антисоветской работы. В некоторых сельских советах проходил сбор подписей для регистрации церковно-приходских общин с целью последующего открытия церкви [13, л. 364]. Нередко сбор подписей организовывался непосредственно на базарной площади.

Вследствие репрессий в отношении духовенства и наиболее активных верующих в 1931–1935 гг. основной формой протеста вновь становятся жалобы в вышестоящие инстанции, в частности, в Постоянную комиссию по вопросам культов. В архивных документах зафиксированы следующие статистические данные. По СССР в 1932 г. в Постоянную комиссию по вопросам культов поступило 6355 различного рода жалоб от верующих, в 1933 – 4808, в 1934 – 8229, в 1935 – 9221. На личном приеме было принято ходочков: в 1932 г. – 3219 человек, в 1933 – 1719, в 1934 – 1094, в 1935 – 2090 [14, л. 8].

Жалобы поступали следующего характера:

- на ликвидацию молитвенного здания, на административное изъятие без соблюдения законодательства, ходатайства об их открытии;
- на временное закрытие религиозных зданий;
- на переобложение налогами молитвенных зданий и служителей культа;
- на закрытие кладбищ и снос церковных оград;
- на отказ РИКов в регистрации религиозных обществ и служителей культа;
- на штрафы, налагаемые на служителей культа [15, л. 16].

По этому списку можно судить как о характере злоупотреблений, так и о религиозной активности населения. В частности, «повседневными стали ходатайства об открытии церковью закрытых, но ряд лет не используемых ни под какие цели церковью, закрытых под склады..., и церковью, в которых просто административным путем были запрещены религиозные обряды». Участились жалобы от религиозных объединений в связи с изъятием колоколов. Действия местных властей по изъятию колоколов при отсутствии ликвидации молитвенного здания были признаны руководством СССР незаконными [16, л. 71].

От населения БССР в 1933 г. поступило 24 жалобы, на приеме было 3 ходочка [17, л. 43–53], в 1935 г. поступило 152 жалобы, на личном приеме было 26 ходочков. Незначительное количество жалоб в ситуации массового произвола местных властей объясняется тем, что мало кто знал о существовании Союзной комиссии культов, кроме этого, отсутствовал Союзный закон о религиозных объединениях [14, л. 74].

Всплеск религиозной активности населения в 1936–1938 гг. вызвало принятие новой конституции и проведение переписи населения. Наибольшую активность проявляли верующие и церковнослужители в тех районах, где были закрыты все церкви или их закрытие не было оформлено в офи-

циальном порядке. В докладной записке о состоянии антирелигиозной пропаганды в КП(б)Б и активизации церковников и сектантов фигурируют Буда-Кошелевский, Комаринский, Шкловский, Заславский, Кировский, Лоевский районы [18, л. 348]. Активно проходили сборы подписей и средств среди населения для открытия церквей. Попытки открытых выступлений за открытие церквей были зафиксированы в Шкловском, Оршанском, Лепельском и Дриссенском районах, г. Быхове [18, л. 348]. В переписке Постоянной комиссии по вопросам культов с ЦИК БССР фигурирует несколько жалоб евреев г. Речица по поводу закрытия последних двух синагог (из 12 существовавших до революции). НКЮ СССР трижды обращался с запросом в ЦИК БССР с просьбой «рассмотреть вопрос по существу и о решении уведомить». Ответ последовал только через 8 месяцев. В нем сообщалось, что постановлением президиума ЦИК БССР от 15 октября 1936 г. утверждено закрытие синагог и «нет основания к пересмотру этого решения». В результате дело было передано в прокуратуру БССР, так как, во-первых, по мнению Комиссии, поголовное закрытие молитвенных зданий расходится с политической советской властью и установками партии. Во-вторых, ходатайствовало за закрытие молитвенных зданий 250 человек трудящихся (г. Речица), тогда как евреев там проживает около 10 тыс. В-третьих, при ликвидации синагог был допущен ряд безобразий: расхищение книг – более 10 тыс. томов, часть из которых была передана в магазины для обертки товаров, свитки торы уничтожались на глазах у верующих [19, л. 139].

В переписке Комиссии по вопросам культов с ЦИК СССР и ЦИК БССР о закрытии ряда молитвенных домов в БССР фигурирует и жалоба старообрядцев на изъятие из пользования верующих церкви в г. Полоцке (единственной на территории Полоцкого округа) [20, л. 124].

В первом квартале 1936 г. от верующих БССР поступило 32 жалобы (на 10 больше по сравнению с аналогичным периодом 1935 г.), из них 14 – жалобы, связанные с закрытием молитвенных домов, 13 – различные жалобы религиозных общин и служителей культа, 6 – ответы на запросы Комиссии [14, л. 74].

На основании всех имеющихся материалов Комиссией было зафиксировано большое количество грубых нарушений советского законодательства о культах на территории БССР. В резолюции, направленной председателю ЦИК БССР тов. А.Г. Червякову в феврале 1936 г., было обозначено, что на большом расстоянии местные власти не оставляют ни одного молитвенного здания. Так, например, в с. Ленино Тереховского района ликвидирована церковь, несмотря на то, что ближайшая находится в 45 км. В г. Витебске из 10 действующих церквей закрыта последняя, и ближе 50 км действующих церквей нет. В местечке Лиозно закрыта последняя синагога. Ликвидированные молитвенные здания не использовались под культурно-просветительские цели, а пустовали и разрушались, что не могло не вызывать возмущение у верующего населения. Молитвенные здания облагались налогом не по циркуляру НКФ СССР № 68 от 19 февраля 1931 г., а в произвольном порядке [14, л. 9].

По мнению руководителей Комиссии, подобные нарушения объяснялись тем, что местное руководство не уделяло должного внимания культовым вопросам. В целях борьбы с перегибами на местах, в 39 случаях местные работники были привлечены к ответственности за неправомерные действия, большое количество жалоб было передано в прокуратуру для рассмотрения и наказания виновных [15, л. 18].

В 1936 г. в ЦИК БССР поступило 158 заявлений от православных верующих из 51 района с ходатайствами об открытии церкви, 61 заявление – об открытии синагог, 16 – об открытии костелов [21, с. 378].

За последние 3 месяца 1937 г. в ЦИК БССР было подано 25 заявлений с подписями верующих об открытии православных церквей, 7 – об открытии синагог, 2 – об открытии костела, 1 заявление с просьбой вернуть изъятые предметы культа и 5 – о регистрации служителей культа [18, л. 386].

В партийных документах фиксировались неявки на работу во время религиозных праздников. В Богушевском районе даже один из председателей колхоза во время Пасхи целый день пьянствовал и приветствовал колхозников «Христос воскрес» [18, л. 348].

Своеобразной формой протеста верующих было уклонение от участия в общегосударственных мероприятиях, в частности, переписи населения 1937 г. Представители некоторых конфессий проводили агитацию против переписи в целом. В Лепельском районе (особенно в Стайковском, Тышнянском сельсовете) 200–250 человек преимущественно евангелистов, отказались предоставлять о себе сведения. Ими было принято решение молчать с 1 по 7 января. Когда к этим лицам обращались переписчики, они молчали, поворачивались спиной, некоторые демонстративно, чтобы не разговаривать, закладывали в рот платок. Необходимо отметить, что так называемые «молчалники» и ранее, исходя из религиозных соображений, отказывались от выполнения гражданских обязательств. Среди баптистов передавалось антисоветское письмо с агитацией против переписи [22, с. 294]. Но, несмотря на неполноту сведений переписи о верующих, они все же обладают высокой степенью достоверности, поскольку большая часть населения нашла в себе мужество в той тяжелой и сложной ситуации открыто заявить о своих убеждениях.

Веруючыя сабіраліся ў царквах і праводзілі царковныя службы самастойна, без свяшчэннослужыцеляў. Такія факты органамі ГПУ былі зафіксаваныя ў гарадах Рогачэве, Орше, Мінску і Бягомльскім раёнах [23, л. 67]. У горадзе Свіслач Осіповічэскага раёна ў час рэлігійных прадзнікаў многія евреі не вышлі на работу, там жа было падаана заяўленне веруючых на адкрыццё царквы і сабраныя грошы [18, л. 6]. Не вышлі на работу ў дні Пасхі калхознікі хазяйсваў «Восход» і «Чырвоны сцяг»; у д. Елінец Буды-Кошэлеўскага раёна на прадзнованне рэлігійнага прадзніка Вознесення сабралася некалькі тысяч чалавек з Уваровічэскага, Жлобінскага і Рагачэўскага раёнаў [24, л. 183].

Заклученне. Такім абразам, веруючыя на працяжэнні 1924–1939 гг. іспользавалі пераважна легітымна-прававыя формы барацьбы, ў частнасці, жалобы ў цэнтральныя органы ўлады на дзейнасць уладаў на месцах. Супраціўленне было накіраванае проціва меропрыятій адміністрацыйнага і эканамічнага даўлення на канфесіі, на ахашу грамадскіх праваў і свабод служыцеляў культа, за адкрыццё царквы. Посреднікам ў взаімаадносінах «веруючыя – ўлада» яўлялася Камісія па впрасам культаў пры ВЦІК РСФСР, дзейнасць якой ў адсутнасці агульнасаюзнага органа за кантралем дзяржаўна-канфесіянальных адносінаў прыбрала агульнасаюзны маштаб. Азначаецца лаяльнае адносінае Камісіі па впрасам культаў к духоўнасці і веруючаму насельніцтву, ў том лісле і ў БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калініна, Г.С. Формы супраціўлення вернікаў-хрысціян антырэлігійнай палітыцы дзяржавы ў БССР (1929–1939 гг.) / Г.С. Калініна // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 8. – С. 25–31.
2. Бойко, О.В. Протідія праваслаўнай царквы і грамадскасці антырэлігійнаму наступу дзяржавы ў 20–30-ці роки ХХ ст. (на матэрыялах Півдня Украіны) : аўторэф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / О.В. Бойко ; Дніпропетровський національний університет. – Дніпропетровськ, 2007. – 21 с.
3. Національний історический архив Беларусі (НІАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 134.
4. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 323.
5. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 47.
6. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 223.
7. Дзяржаўны архіў витебскага абласці (ГАВО). – Ф. 10061. Оп. 1. Д. 639.
8. Національний архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2993.
9. ГАВО. – Ф. 10062. Оп. 1. Д. 29.
10. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 13.
11. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 47.
12. НІАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 572.
13. ГАВО. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 747.
14. Дзяржаўны архіў Расійскага Федэрацыі (ГАРФ). – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 21.
15. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 32.
16. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 14.
17. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 18.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12099.
19. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 64.
20. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 63.
21. Лебедев, А. Костел і ўлада на Гомельшчыне (20–30-е гады ХХ стагоддзя) / А. Лебедев, В. Пінчуков, кс. Сл. Ляскоўскі. – Варшава – Люблін – Гомель, 2009. – 470 с.
22. Усеагульная перапіс насельніцтва 1937 года: агульныя вынікі : сб. док. і матэрыялаў / прадисл.: Ю.А. Полякова, В.Б. Жіромскага // РОССПЭН. – М., 2007. – 318 с.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13928.

LEGAL FORMS OF RESISTANCE CLERGY AND FAITHFUL RELIGIOUS POLICY IN BSSR IN 1924–1939

N. DAUHIALA

The paper analyzes the legal and regulatory forms of resistance to anti-religious activities of believers Soviet authorities. In 1924–1939 believers had used all forms of legitimate resistance, namely all kinds of complaints material assistance clergy, construction and renovation of buildings of worship, efforts to buy back shrines. The estimation of activity of the Standing Committee on cults of the RSFSR in respect of Belarusian believers.